

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИКО-РЕЖИМНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация: В статье представлен обзор новейших исследований политико-режимных трансформаций в странах постсоветского пространства. Выделены основные методологические подходы и теоретические модели анализа постсоветских политических трансформаций, обозначены основные достижения и проблемы современной политической науки в исследовании динамики политико-режимных трансформаций в странах посткоммунистического развития.

Ключевые слова: политология, политика, режим, посткоммунизм, трансформация, теория, модели, демократия, транзитология, авторитаризм.

Политические изменения в странах постсоветского пространства, начавшиеся более двадцати лет назад, продолжают вызывать большой исследовательский интерес, как у российских, так и у западных политологов. Накопленные теоретические изыскания в области постсоветских политико-режимных изменений требуют научной рефлексии, компаративного анализа и логической систематизации. Все это позволит более глубоко и всесторонне осмыслить последние достижения политической мысли в области постсоветской проблематики. Некоторым аспектам этих проблем посвящена настоящая статья.

С началом нового политического курса в России, инсталлированного Президентом РФ В. Путиным в 2000-х гг. и направленного на рецентрализацию государства, политологи получили новые эмпирические аргументы в пользу отхода от линейно-перспективных моделей анализа постсоветских трансформаций. Среди российских политологов получил утверждение тезис о начале новой, «постпереходной» фазе развития политического режима.

Российская исследовательница Т.Е. Ворожейкина одна из первых предприняла научный анализ новых политических тенденций в России, предложив рассматривать его на основе концепта «государственно-центричной матрицы» развития, разработанного в начале 1990-х годов аргентинским ученым М. Каваросси на опыте развития стран Латинской Америки. Концепт подразумевал такой тип трансформации, при котором государство (власть) играет центральную роль в формировании (структурировании) экономических, политических и социальных отношений. Иначе говоря, для данного типа развития характерна инверсия по отношению к класси-

ческому, с либерально-позитивистской и марксистской точек зрения, типу, в котором роль центрального структурообразующего фактора, мотора развития играет экономика. При этом термин «матрица» использовался в связи с тем, что оценивался как более удачный, чем «модель», поскольку указывал на среду, рамки, контекст, в которых это развитие осуществляется¹.

Т.Е. Ворожейкина рассматривала два возможных сценария развития дальнейшей политической трансформации: 1) «чилийский» вариант радикальной либерализации в условиях жесткой автократии; 2) «мексиканский» путь развития в условиях усиленного этатизма и формирования модели «партии – государства». Второй сценарий она считала более реалистичным, так как эффективная экономика по чилийскому образцу предполагает отделение власти от собственности. Исследовательница указывала, что «сильное государство, создающее благоприятные условия для экономического развития, не может иметь собственных экономических интересов и быть коррумпированным. (Не случайно Чили – страна с наименьшим уровнем коррупции в Латинской Америке.) Приватизация в России настолько связана с коррупцией, причем не только в качестве «первородного греха», но и функционально, что любая реальная, а не показательная, попытка отделения власти от собственности будет таить смертельную угрозу для существующего режима»².

Для «мексиканской модели», предполагающей закрытую экономику с решающим участием государства в производстве и перераспределении части дохода в

¹ Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в России и Латинской Америке // *Общественные науки и современность*, 2001, №6, с. 6.

² Там же, с. 25.

пользу массовых слоев, по мнению Т.Е. Ворожейкиной, объективных условий больше. Однако ее воспроизведение в современной России потребует восстановления государственного контроля в стратегических, экспортных отраслях. Иначе говоря, это будет не рыночная, а этатистская модель, которая приведет к закреплению единства власти и собственности, но с еще большей, чем сейчас, зависимостью собственности от власти. Интересы различных групп предпринимателей будут учитываться, но без прямого допуска их к процессу принятия решений. Сегодня можно констатировать, что эти прогнозы политолога в значительной части оправдались, хотя сама Т.Е. Ворожейкина тогда считала, что шансы на возвращение к традиционному типу отношений государства и общества в современной России достаточно низки³.

К похожему выводу пришел американский политолог М. Урбан, который, используя методологические подходы из арсенала поздней советологии, прежде всего идею взаимосвязи социальных отношений и политических практик, пришел к выводу, что «в современной России баланс между институционализированными и персонализированными формами коллективного действия смещается в сторону последних»⁴. Постсоветские трансформации в России ученый рассматривал как процесс укоренения персонифицированных отношений в государственном аппарате, указывающий на упадок российского государства и на то, что оно физически не в состоянии оперировать в качестве института. М. Урбан сделал вывод, что «организация и состав государственного аппарата по-прежнему носят печать субъективизма. Основным инструментом управления страной остается перетасовка кадров, а не юридическая сила закона»⁵.

Российский исследователь В. В. Уфимцев предложил рассматривать постсоветские трансформации и возможные векторы политико-режимного развития с помощью «динамической модели политико-социального равновесия». Предложенная им модель рассматривает российское социальное пространство в рамках схематической системы координат. В. В. Уфимцев выявил основные пути приведения социальной системы в равновесие. Более того, применив метод равновесного анализа к социальным процессам и явлениям, он создал абстрактно-логическую схему системы политико-социального равновесия, позволяющую моделировать механизмы

достижения и поддержания подобного равновесия в постсоветском обществе⁶.

После выборов Государственной Думы 2003 года большинство российских политологов пришло к выводу о становлении нового политического режима в России. Тенденции усиления исполнительной власти и утверждение партийной монополии «Единой России» в парламенте окончательно подорвали позиции тех ученых, которые еще недавно с оптимизмом смотрели на демократические перспективы в России. Общим мнением среди политологов стал тезис об авторитарном векторе развития постсоветской России с приходом к власти В. В. Путина. Так, например, О. В. Гаман-Голутвина указывала, что до парламентских выборов 2003 г. можно было говорить о возможности двух альтернативных сценариев эволюции партийной системы: 1) формирование так называемой полупарламентской системы при доминировании «партии власти»; 2) становление двухпартийной системы, в рамках которой конкурируют «партия власти» и КППРФ. После выборов именно первая альтернатива стала реальностью. Результаты парламентских выборов исследовательница рассматривала в качестве элемента более общей тенденции – «утверждения в России моноцентрического политического режима»⁷.

Л. Шевцова также оценивала политику В. Путина как движение вспять от демократии в сторону «бюрократического авторитаризма». Говоря о вариантах будущей политико-режимной трансформации, она указывала, что «с формированием бюрократическо-авторитарного режима возможность для либерально-демократического вектора в России катастрофически сузилась». Исследовательница прогнозировала «своего рода постсоветский брежневизм», то есть антидемократический откат за которым, возможно, последует очередная либерализация с неизвестным исходом⁸.

Трансформация политического режима в России на современном этапе стала еще одним доказательством разновекторного характера посткоммунистических трансформаций. В этой связи многие политологи заявили о необходимости решения задачи концептуального обновления сложившихся представлений о политических изменениях и политическом развитии.

Так, например, А. Ю. Мельвиль, соглашаясь со многими из критиков парадигмы транзитологии, в тоже время высказал ряд тезисов в защиту этого подхода. По его мнению, «транзитология как субдисциплина срав-

³ Там же.

⁴ Урбан М. Социальные отношения и политические практики в посткоммунистической России // Полис, 2002, №4, с. 68.

⁵ Там же.

⁶ Уфимцев В. В. А был ли выбор? // Полис, 2003, №4, с. 168.

⁷ Гаман-Голутвина О. В. Российские партии на выборах: картель «хватай-всех» // Полис, 2004, №1, с. 25.

⁸ Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra, 2004, Т. 8, №3, с. 40.

нительной политологии, изучающая закономерности многообразных и разнонаправленных политических трансформаций современности, не ставит своей целью построение общеприменимой и универсальной матрицы демократизации. Центральное для этой субдисциплины понятие транзита (от лат. *transitus*) объединяет любые по форме и содержанию процессы перехода от прежнего, недемократического, состояния к иному»⁹. Поэтому, несмотря на крушение первоначальных иллюзий о демократическом векторе развития всех поставторитарных государств, это отнюдь не означает разрушения самой предметной области сравнительных исследований современных политических трансформаций. Как подчеркивал А. Ю. Мельвиль: «Конец парадигмы транзита» не тождествен «концу транзитологии»¹⁰.

Очередной всплеск теоретических разработок относительно траекторий развития постсоветских трансформаций был вызван чередой политических кризисов в ряде стран бывшего коммунистического блока, сопровождавшихся сменой политических элит и получивших название «цветных революций». Драматическая смена власти в период с 2000 по 2005 годов в Сербии, Грузии, Украине и Кыргызстане показали, что этап трансформационных процессов на постсоветском пространстве далек от завершения. В этой связи перед политологами встали новые вопросы: какова сущность «цветных революций»? Можно ли их расценивать как новый этап демократизации? Какова вероятность повторения подобных сценариев в других постсоветских странах?

Существенная часть российских аналитиков и политических комментаторов феномен «цветных революций» на постсоветском пространстве оценивали как итог внешнеполитической деятельности «Запада» и, соответственно, отрицали их демократический потенциал. Другой точки зрения придерживались критики российской власти, которые рассматривали эти события не иначе как «демократический прорыв».

Если говорить о дискуссиях в рамках академического сообщества, то здесь тоже наблюдался дискуссионный диссонанс. Одна часть политологов оценила «цветные революции» в качестве нового импульса к демократическим преобразованиям, способного сдвинуть с мертвой точки застывший процесс транзита. Эта своего рода «вторая попытка» демократизации и консолидации была концептуализирована М. Макфолом в теории «трансформации посткоммунизма» т.е., если так можно выразиться, «перехода от перехода к демократии». Несколько иначе стал трактоваться концепт «третьей волны». В

этой метафоре стали различать несколько циклических этапов, «волн внутри волны». Многие политологи, оценивая «цветные революции» как очередную попытку демократизации, стали рассматривать эти события в терминах «четвертой волны» демократизации¹¹.

Российский политолог В. Гельман видел главным итогом «оранжевой революции» политическую реформу и мирный приход оппозиции к власти, что позволяло говорить об успехе Украины в прохождении минимального теста двукратной демократической смены власти по С. Хантингтону.

Другая часть исследователей была более осторожной в выводах. Так, например А. В. Кынев, на основе формально-правового анализа результатов политической реформы в Украине от 8 декабря 2004 года, пришел к выводу о ее неоднозначном характере. По его мнению, новая система организации органов государственной власти в Украине так же далека от интересов рядового избирателя, как и система Кучмы. Исследователь указывал, что Украина, несомненно, сделала шаг от постсоветской автократии в сторону парламентаризма, однако она находится лишь в самом начале пути к реальной демократии. И тех, кто верил, что события осени 2004г. – действительно «революция», которая волшебным образом изменит характер украинской политики, неизбежно ждет разочарование»¹².

Несмотря на неоднозначные оценки «цветных революций» на постсоветском пространстве, сами по себе эти события заставили большинство исследователей согласиться с тем, что о консолидации режимов и прекращении дальнейших трансформаций во многих из постсоветских стран говорить явно преждевременно. Например, В. В. Лапкин и В. И. Пантин прогнозировали «неизбежность дальнейших радикальных трансформаций и довольно резкие повороты в политическом развитии» постсоветских стран¹³.

Одновременно с этим политические события, получившие название «цветных революций», укрепили позиции тех политологов, которые рассматривали постсоветские трансформации в циклической, а не линейной перспективе. Все большее число исследователей отказывалось от первоначального «транзитологического» подхода, согласно которому трансформации представлялись как стадийный (через либерализацию, демократиза-

⁹ Мельвиль А. Ю. О траекториях посткоммунистической трансформации // *Полис*, 2004, №2, с. 67.

¹⁰ Там же.

¹¹ Макфол М. Пути трансформации посткоммунизма // *Pro et Contra*, 2005, Т. 9, №2, Сентябрь-октябрь, с. 92-107.

¹² Кынев А. В. Эффекты «Майдана»: политическая система Украины после кризиса 2004 г. // *Полис*, 2005, №1, с. 70.

¹³ Лапкин В. В., Пантин В. И. Политические трансформации в России и на Украине в 2004-2006 гг.: причины и возможные последствия // *Полис*, 2007, №1, с. 118.

цию и консолидацию) путь к демократии в линейно-перспективной траектории. Американский политолог Х. Хейл одним из первых теоретически обосновал тезис об ошибочности взгляда на постсоветские трансформации как движения к какой-то заведомо заданной точке, будь то демократия или авторитаризм. Он обратил внимание на то, что эмпирические данные больше говорят о циклической динамике развития постсоветских стран, когда векторы развития подобны колебанию маятника от авторитаризма к большей демократии, затем вновь в сторону авторитаризма и, наконец, после событий «цветных революций» опять в сторону демократизации, что, однако, не говорит о том, что вектор авторитаризма не возобладает снова в будущем¹⁴. Таким образом, эти колебания дают основания рассматривать режимные изменения как циклический процесс, не имеющий определенного «пункта назначения».

Говоря о России, большинство политологов не видели больших шансов реализации «цветного сценария» в условиях рецентрализации российского государства и становления авторитарного режима. В тоже время к 2008 году в академическом сообществе все больше актуализировалась проблема дальнейшего вектора развития страны. При наличии единого мнения о победе «моноцентрической» власти¹⁵, утверждения «бюрократического авторитаризма» и реанимации «русской системы»¹⁶, при общем понимании необходимости перехода от стабилизации к развитию, вопрос о конкретных путях модернизации оставался в научном сообществе дискуссионным.

В наиболее отчетливом виде выделились две полярные точки зрения. Значительную часть политологов можно отнести к либерально-демократическому лагерю. Они тесно увязывали процессы экономической и политической модернизации. Последнюю они понимали как развитие институциональных основ демократии и придания существующим в России демократическим институтам (выборам, политическим партиям, судам и т.д.) их нормативного содержания. Это означало развитие плюрализма, действительной политической конкуренции и состязательности. Именно в политической конкуренции виделось лекарство по лечению таких болезней российского общества как коррупция,

бюрократический произвол, правовой нигилизм и неэффективность государственного управления¹⁷.

Другую точку зрения выражали исследователи консервативного направления. Их обобщенной чертой было убеждение в своеобразии исторического пути России, специфике ее культурно-цивилизационного ландшафта, особом пути к демократии и, соответственно, невозможности оценивать политическое развитие России западными представлениями о демократии. Развивая постулаты об особой модели «русской демократии», многие политологи этого лагеря отрицали вообще демократическую перспективу России как значимую повестку дня. Так, например В. Т. Третьяков утверждал, что «России необходимо отказаться от практики, а главное - идеологии догоняющего развития, что в том числе означает снятие цели построения демократии в России. Конечно, нужно строить, развивать, совершенствовать демократические механизмы насколько это возможно. Но это не должно стать главной и повседневной целью»¹⁸.

Тезис о специфике «русской модели демократии» нашел поддержку во властной российской элите и был идеологически представлен в виде концепта «суверенной демократии», сформулированного главой администрации Президента РФ В. Сурковым. Все это позволяет говорить о реанимации политической ангажированности российских политологов, расколовшихся на «проправительственный» и «оппозиционный» лагеря. Спор между либерально-демократическим и консервативным крылом в политологическом сообществе иногда стал выходить за академические рамки и вступать в сферу политической публицистики.

Наша задача выявить среди этой дискуссии научно обоснованные модели будущих политических траекторий России и других постсоветских стран. С нашей точки зрения, за последние несколько лет можно выделить две наиболее эвристически ценные теоретические модели, созданные российскими исследователями.

Первая из них - это модель динамики политико-режимных трансформаций, предложенная В. Я. Гельманом. Согласно его гипотезе, различие вариантов политико-режимных трансформаций в постсоветских странах обусловлено сценариями межэлитных конфликтов, которые (сценарии), в свою очередь, зависят от структуры («наследие прошлого» и распределение ресурсов) и агентов (элиты, их представления и стратегии), причем сценарии межэлитных конфликтов в процессе смены режимов не

¹⁴ Hale H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*, 2005, Volume 58, №1, October, pp. 133-165.

¹⁵ Зудин А. Ю. Режим В. Путина: контуры новой политической системы // *Общественные науки и современность*, 2003, №2, с. 82.

¹⁶ Пивоваров Ю.С. Русская Власть и публичная политика (Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита) // *Полис*, 2006, №1, с. 16.

¹⁷ Делягин М. Г. Государство между народом и бизнесом // *Полис*, 2008, №3, с. 134-147.

¹⁸ Демократизация: универсальные ценности и многообразие исторического опыта: материалы круглого стола // *Полис*, 2008, №5, с. 63.

всегда ведут к определенному «пункту назначения»: один сценарий может трансформироваться в другой, в т.ч. и под воздействием экзогенных факторов, задающих структуру политических возможностей¹⁹. В. Я. Гельман первым применительно к постсоветским трансформациям и режимным траекториям развития предложил использовать концепт «равновесия» («эквilibриума»), взамен достаточно расплывчатой транзитологической категории «консолидация». Понятие «равновесия» он определял следующим образом: «Когда политические режимы находятся в состоянии равновесия (неважно, демократического или нет), у акторов нет стимулов к изменению своего поведения. В этом смысле процесс режимных изменений есть не что иное, как нарушение равновесия, которое рано или поздно ведет к замене одного равновесия другим (или тем же самым, но в новых условиях)»²⁰. Комбинации различных сочетаний распределения ресурсов и относительной цены стратегий элит, которые выступают в данной концепции основными акторами, В. Я. Гельман представил в виде матрицы возможных сценариев конфликтов между политическими акторами в процессе изменения режима.

На примере трех эмпирических случаев, а именно – Беларуси, Украины и России, В. Я. Гельман показал, что различные сочетания распределения ресурсов обуславливали специфическую элитную структуру, что способствовало разной динамике и различным векторам политико-режимной трансформации в этих странах. Атомизированность белорусских элит после распада СССР привели к возвышению А. Лукашенко, который, используя слабость элитных сетей достаточно легко навязал сценарий по принципу «победитель получает все», что привело к формированию авторитарного политического режима. Фрагментация украинской элиты исключила этот сценарий, где политико-режимные трансформации реализовывались по сценарию «картельного соглашения», а события «оранжевой революции» впервые создали прецедент «борьбы по правилам» и создали «окно возможностей» для трансформации украинского режима от гибридной формы к «демократической ситуации». Наконец, Россия прошла этап «бесформенного плюрализма» 1990 – х годов, однако ряд факторов структурного и внешнеэкономического порядка начала 2000 годов привели к возможности реализации сценария «победитель получает все», который был вполне успешно исполнен В. В. Путиным. В результате российский

политический режим от бесформенного плюрализма трансформировался к авторитарной ситуации²¹.

Таким образом, наряду с линейно-прогрессивным (транзитологическим) и разного рода циклическими подходами, В. Я. Гельман сформулировал концепт динамики постсоветских политико-режимных трансформаций на основаниях перехода от одного эквilibриума к другому, без существования конечной точки исхода. Тем самым, как нам представляется, он заложил основы наиболее реалистического взгляда на природу постсоветских трансформаций.

Вторая теоретический концепт – это модель «пяти развилок» Н. С. Розова. Исходной посылкой в построении модели политического развития России для этого российского ученого являлась концепция селектората, сформулированная английскими исследователями Т. Бесли и М. Кудамцу. Эти ученые в своих работах показали, что экономические успехи при авторитарном режиме возможны только при условии наличия сильного селектората, который трудно или невозможно репрессировать или подкупить. Под последним понимались некие центры силы, держатели важнейших ресурсов, как правило, семьи, кланы, финансово-промышленные группы, авторитетные группировки со специфическим потенциалом, которые способны в какой-то мере дисциплинировать власть, даже если извне она предстает как «чистая» автократия или диктатура. Другими словами утверждался тезис, что успешный авторитаризм возможен только при разделении власти и собственности.

Проецируя эти общие выводы на российские условия, Н. С. Розов утверждал, что эффективность централизованной «вертикали власти» станет возможна только при условии формирования селектората, что, одновременно, является одной из важнейших предпосылок становления в России полицентризма власти и последующей демократизации. Таким образом, сущность демократического транзита представлялась двояким процессом, а сам переход двухэтапным. На первом этапе, по мысли ученого, должна появиться устойчивая коалиция центров силы (селекторат). На втором этапе центры силы должны выбрать конституционную стратегию, включающую в себя механизмы: 1) разделения властей; 2) регулярной ротации власти; 3) публичной политики как открытого состязания за признание (голоса) граждан²².

¹⁹ Гельман В.Я. Из огня да в полымя? (Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // Полис, 2007, №2, с. 81-108.

²⁰ Там же, с. 82.

²¹ Гельман В.Я. Из огня да в полымя? (Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // Полис, 2007, №2, с. 93-104.

²² Розов Н. С. Коллегиально разделенная власть в условиях поэтапного становления демократии в России // Полис, 2008, №5, с. 82.

В своей аналитической модели, основанной на теоретических постулатах теории «полиархии» Р. Даля, исследователь попытался зафиксировать основную последовательность структурных изменений, способных трансформировать моноцентризм власти в какую-либо форму полицентризма. Кроме этого Н. С. Розов выделил в этой последовательности главные развилки (точки бифуркации), указывающие на то, что трансформационные процессы не являются линейными, а имеют многовариативный спектр траекторий развития.

Под первой развилкой Н. С. Розов подразумевал наличие системного кризиса, без которого, по его мнению, в условиях отсутствия сильной, организованной оппозиции и пассивного состояния общества факторы существенных изменений политического режима в современной России не просматриваются. Следствием кризиса может быть либо захват полной власти новой авторитарной группировкой, что приведет к еще более жестким авторитарным тенденциям, либо появление автономных центров силы с сопоставимыми ресурсами. Последний вариант открывает «окно возможностей» для движения в сторону полиархии и приводит ко второй развилке.

Вторая развилка связана с характером борьбы за власть между появившимися автономными центрами силы. Если акторы вступают в борьбу на уничтожение, то количество автономных политических центров резко сократится, что приведет к новому моноцентризму и реанимации авторитарного режима. Если же конкуренты найдут компромиссные решения и заключат взаимоприемлемые соглашения об ограничении пределов применения силы и о возможности для проигравших остаться на политической арене, то это откроет дорогу для увеличения масштаба политического участия, повысит качество конкуренции и приведет к третьей развилке.

Третья развилка в концепции Н. С. Розова – это выбор характера состязания, который определяется в категориях «сговора» или «публичной политики». В первом случае происходит создание закрытых группировок и трансформация режима в авторитаризм олигархического или кланового характера. Во втором случае полити-

ческое поле открывается для новых игроков, общество осваивается с ролью политического арбитра.

Кроме указанных трех развилок Н. С. Розов предусматривает еще две (четвертую и пятую), необходимых для достижения демократического режима. Четвертая развилка связана с успехом или неуспехом демократически избранной власти. А пятая – это выбор дальнейшей политической стратегии успешной власти, которая может выбрать путь закрепления своей монополии, подавляя оппозицию и скатываясь к авторитаризму. Либо сохранить формальные правила и пойти на очередные выборы, будучи готовой их проиграть. Таким образом, последняя развилка связана с эффектом успеха властвующей группировки, которая окажется перед дилеммой: сохранить себя или правила ротации²³.

Н. С. Розов указывал, что системный кризис и новые возможности для российской демократизации неизбежны. Однако более трудным является процесс прохождения всех развилок по демократической траектории без отступления в новый авторитаризм. Как подчеркивает ученый, «положение усугубляется несимметричностью альтернатив в каждой развилке. Любой «негативный» выход – к восстановлению авторитаризма – прост, привычен, не требует усилий и затрат и представляет собой соскальзывание в традиционную историческую «колею». Любой «позитивный» выход – к реальной демократии – сложен...»²⁴.

В завершении, говоря о современном состоянии политической мысли, важно отметить, что накануне очередного электорального цикла в российском научном и экспертном сообществе усилия по анализу политико-режимных трансформаций и прогнозные сценарии возможных перспектив политической модернизации постсоветских политических систем заметно увеличились. В последнее время вышло ряд новых экспертных докладов о возможной динамике российской политической системы, в которых дается анализ и оценка самым разным перспективным сценариям развития политико-режимной трансформации России, что свидетельствует о неугасаемом интересе к данной проблематике.

²³ Там же, с. 83-84.

²⁴ Там же, с. 87.

Библиография:

1. Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в России и Латинской Америке // *Общественные науки и современность*, 2001, №6.
2. Гаман-Голутвина О. В. Российские партии на выборах: картель «хватать-всех» // *Полис*, 2004, №1.
3. Гельман В.Я. Из огня да в полымя? (Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // *Полис*, 2007, №2.
4. Делягин М. Г. Государство между народом и бизнесом // *Полис*, 2008, №3.
5. Демократизация: универсальные ценности и многообразие исторического опыта: материалы круглого стола // *Полис*, 2008, №5.
6. Зудин А. Ю. Режим В. Путина: контуры новой политической системы // *Общественные науки и современность*, 2003, №2.
7. Кынев А. В. Эффекты «Майдана»: политическая система Украины после кризиса 2004 г. // *Полис*, 2005, №1.
8. Лапкин В. В., Пантин В. И. Политические трансформации в России и на Украине в 2004-2006 гг.: причины и возможные последствия // *Полис*, 2007, №1.
9. Макфол М. Пути трансформации посткоммунизма // *Pro et Contra*, 2005, Т. 9, №2.
10. Мельвил А. Ю. О траекториях посткоммунистической трансформации // *Полис*, 2004, №2.
11. Пивоваров Ю.С. Русская Власть и публичная политика (Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита) // *Полис*, 2006, №1.
12. Розов Н. С. Коллегиально разделенная власть в условиях поэтапного становления демократии в России // *Полис*, 2008, №5.
13. Урбан М. Социальные отношения и политические практики в посткоммунистической России // *Полис*, 2002, №4.
14. Уфимцев В. В. А был ли выбор? // *Полис*, 2003, №4.
15. Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // *Pro et Contra*, 2004, Т. 8, №3.
16. Hale H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*, 2005, Volume 58, №1.

References (transliteration):

1. Vorozhejkina T.E. Gosudarstvo i obwestvo v Rossii i Latinskoj Amerike // *Obwestvennye nauki i sovremennost'*, 2001, №6.
2. Gaman-Golutvina O. V. Rossijskie partii na vyborah: kartel' «hvataj-vseh» // *Polis*, 2004, №1.
3. Gel'man V.Ja. Iz ognja da v polymja? (Dinamika postsovetskih rezhimov v sravnitel'noj perspektive) // *Polis*, 2007, №2.
4. Deljagin M. G. Gosudarstvo mezhdru narodom i biznesom // *Polis*, 2008, №3.
5. Demokratizacija: universal'nye cennosti i mnogoobrazie istoricheskogo opyta: materialy kruglogo stola // *Polis*, 2008, №5.
6. Zudin A. Ju. Rezhim V. Putina: kontury novoj politicheskoi sistemy // *Obwestvennye nauki i sovremennost'*, 2003, №2.
7. Kynev A. V. Jeffekty «Majdana»: politicheskaja sistema Ukrainy posle krizisa 2004 g. // *Polis*, 2005, №1.
8. Lapkin V. V., Pantin V. I. Politicheskie transformacii v Rossii i na Ukraine v 2004-2006 gg.: prichiny i vozmozhnye posledstvija // *Polis*, 2007, №1.
9. Makfol M. Puti transformacii postkommunizma // *Pro et Contra*, 2005, Т. 9, №2.
10. Mel'vil' A. Ju. O traektorijah postkommunisticheskoi transformacii // *Polis*, 2004, №2.
11. Pivovarov Ju.S. Russkaja Vlast' i publichnaja politika (Zametki istorika o prichinah neudachi demokraticeskogo tranzita) // *Polis*, 2006, №1.
12. Rozov N. S. Kollegial'no razdelennaja vlast' v uslovijah pojetapnogo stanovlenija demokratii v Rossii // *Polis*, 2008, №5.
13. Urban M. Social'nye otnoshenija i politicheskie praktiki v postkommunisticheskoi Rossii // *Polis*, 2002, №4.
14. Ufimcev V. V. A byl li vybor? // *Polis*, 2003, №4.
15. Shevcova L. Kak Rossija ne spravilas' s demokratiej: logika politicheskogo otkata // *Pro et Contra*, 2004, Т. 8, №3.
16. Hale H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*, 2005, Volume 58, №1.